

КАНЬОН МЕРТВЫХ

НЕКОТОРЫЕ ИГРЫ ЗАКАНЧИВАЮТСЯ СЛИШКОМ ПОЗДНО —
ПРОШЛОЕ УМЕЕТ ЖДАТЬ.

18+

ALEXANDER POYM

Alexander Poym

Каньон мертвых

<https://litres.ru/74012689>

SelfPub; 2026

Аннотация

После развода Мила пытается заново собрать свою жизнь: дети, работа, одиночество и редкие часы в спортзале, где она снова чувствует себя сильной. Именно там появляется Алекс — спокойный и внимательный тренер, рядом с которым ей хочется верить, что жизнь ещё может начаться заново.

Когда он предлагает провести выходные в каньонах, Мила соглашается. Но чем дальше Алекс увозит её от города, связи и людей, тем отчётливее она понимает: он выбрал её не случайно.

За идеальной улыбкой Алекса скрывается история, начавшаяся много лет назад — там, где детская жестокость однажды превратилась в нечто страшное. Теперь прошлое возвращается и Мила оказывается втянута в смертельную игру.

Содержание

Глава	4
ИСКРА	10
ПРАВИЛО УГРОЗЫ	19
УЖАС МОМЕНТА	30
ТЕНИ СНА	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Alexander Poyu

Каньон мертвых

Глава

Утро обычного дня

Как всегда, Мила проснулась в 6:30, дольше уже давно не могла спать. Иногда просыпалась посреди ночи и не могла уснуть, бралась за сигарету. Думалось о многом: уже 35. В такие моменты она начинала понимать отца, которого уже давно нет. Он также сидел ночью, курил и молча смотрел вдаль, о чем-то думая. Теперь она примерно понимала, о чем. Сейчас она тоже мать, одна, с двумя детьми, со всеми жизненными обязательствами, и всегда есть, о чем подумать и покурить ночью.

Дети проснулись. Сын, как всегда, спорил с сестрой из-за зубной пасты. Чайник на плите зазывал тонким свистом. Она одновременно резала хлеб и пыталась проверить школьные дневники.

— Мам, а ты сегодня идешь на работу? Почему нас забрет бабушка? — спросила дочь.

— Нет. Мама планирует в горы. Немного отдохну, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал уверенно и не выдавал ее настроение.

Дети переглянулись, пожав плечами. Им было привычно, что, когда мама на долго уходит, они остаются с бабушкой. Но на этот раз в ее словах звучала тайна. Когда дверь за ними закрылась, квартира погрузилась в тишину. В такие минуты одиночество становилось громче любого шума.

Развод оставил ей квартиру, алименты и пустоту. Муж был успешен и вечно занят. Был любящим и надежным, но потом стал холодным. С годами она привыкла чувствовать себя незаметной, постоянно чего то ожидая — наверное того, что рано или поздно жизнь должна измениться. Но чуда пока не случилось, и до сих пор она одна. Но слава Богу, с двумя своими любимыми детьми, которые заменили ей всё и остаются единственным смыслом жизни.

Она бросила взгляд в зеркало. Макияж скрывал бессоницу, но глаза выдавали усталость. На миг показалось, что отражение дрогнуло и за стеклом стоит кто-то другой. Мила моргнула, и все встало на свои места. *Усталость* — подумала она, но холодок остался.

Любимый фитнес

Фитнес был ее отдушиной. Здесь не было ни «мамы», ни «сотрудницы» — только она, сильная женщина, которая снова ощущает свою силу, мышцы и дыхание. Здесь она снимала стресс, отключалась, перезагружалась.

Он появился в зале почти год назад в качестве тренера. Представился Алексом. Сначала все было нейтрально, подсказки, дежурные слова. Но после того, как она случайно об-

молвилась о том, что она одна и в разводе, как ей тогда показалось, что именно в тот момент, он изменился. Стал внимательнее, часто задерживался из-за нее и подолгу разговаривал с ней после занятий. Мила не знала, как реагировать на всё это, но внутри от этого становилось тепло, *значит не всё еще потеряно*, шутила она. Она понимала: мужчины часто обращают внимание на свободных женщин. Но всё же было странно. В зале хватало девушек моложе и ярче. Почему именно она?

— Отличная техника, — сказал он однажды, поправив ее руку.

— Ты держишь форму лучше, чем многие двадцатилетние.

В его голосе было что-то притягивающее и отталкивающее одновременно. Она не понимала, что именно, ни в том, ни в другом случае. Просто чувствовала это по-своему, наверное, как с любимым новым знакомым мужчиной.

Приглашение в ночи

Поздний вечер. Дети уже были у бабушки. Квартира утонула в тишине без них. На столе бумаги по работе, телефон рядом.

Она давно планировала уйти в горы одна. Взять рюкзак, пройтись привычной тропой и остановиться в их любимом домике, хотя бы на пару дней, в надежде вернуться отдохнувшей и обновленной. Раньше получалось чаще, особенно с мужем. Когда он ушел, она почти перестала там бы-

вать. Слишком много воспоминаний и счастливых моментов с ним было там, теперь тяжело. Но однажды она решила взять себя в руки, принять всё как есть и продолжить жить, перечеркнув прошлое. И вот все уже знали, дети, бабушка, даже на работе — она собирается в горы. Пока одна, но, когда-нибудь, может, уже с другим человеком. Последнее время она часто об этом думала, но дальше одних желаний ничего не двигалось.

Ее мысли оборвал телефон. Сообщение от ее тренера Алекса: *«Выходные. Каньоны. Ночевка, палатки. Только мы вдвоем. Я всё организую».*

Она перечитала это неожиданное сообщение несколько раз. Если в молодости такие послания были обычным делом, то сейчас это выглядело совсем иначе. Она улыбнулась нахлынувшим далеким, приятным воспоминаниям, но вернулась к сообщению. Появившиеся глубокие сомнения в правильности происходящего начали активно бороться с параллельно возникшим желанием и интересом к нему. Ей хотелось снова почувствовать, что кто-то видит в ней не только мать и сотрудницу, как это было последние несколько лет, а еще и девушку, женщину. Тем более что после развода больше ничего ни с кем не складывалось. А здесь такое предложение, еще и от красавчика-тренера. Еще и идеально совпало с ее планами на ближайшие дни, что показалось ей очень знаковым моментом. *Ну что ж, меняем горы на каньоны,* — подумала она с волнением. Она знала, что нельзя так. Но

пальцы уже набирали: «Хорошо, можем попробовать».

В этот момент в коридоре послышался тихий звук, будто закрылась дверь. Мила резко встала и вышла посмотреть. Но все двери были заперты, а мысли вернули ее к внезапно изменившимся планам и теплоте, приятному и давно забытому ощущению внутри.

Не в ту сторону.

Он предложил забрать ее не у дома, а у парка в двух кварталах. «Так удобнее выезжать из города на трассу», — сказал он.

Ей показалось это мелочью. Хотя в голове промелькнуло: он не хотел, чтобы видели как он забирает ее из дома. Но тем не менее, она согласилась. *Голова перестала мыслить рационально*, — подумала она, улыбаясь и опять вспоминая молодость и кучу похожих решений, не всегда приводящих к хорошим последствиям.

Утро было ясным и солнечным. Она стояла на аллее с рюкзаком, чувствуя странную легкость и тревогу одновременно. Желание вырваться из своего жизненного застоя оказалось сильнее всех тревожных мыслей и опасений. *Что вообще может случиться?*

Его большая машина остановилась рядом. Алекс улыбнулся: высокий, подтянутый, в спортивном костюме. Лицо — словно из рекламы здоровья, просто мечта любой девушки, которая сегодня досталась ей.

Он открыл багажник, который был завален до отказа, и в

этот момент раздался непонятный звук, как будто скрежет по металлу. Она вздрогнула и оглянулась на него. Он быстро захлопнул крышку и громко спросил:

— Готова?

— Да, готова.

Она села, и он захлопнул за ней дверь. И в тот миг, когда машина тронулась, ей послышался вдалеке лай собак. Она посмотрела на Алекса, он в ответ улыбнулся ей и спросил:

— Давно не выезжала никуда?

Она не ответила, отвернулась и стала смотреть в окно, заметив про себя, что действительно, давно никуда не выезжала вот так, с кем то, да и вообще. Наверное, поэтому согласилась почти не раздумывая, за что было немного стыдно и неприятно внутри. Но она решила гнать все мысли и сомнения прочь. *Уже не тот возраст,* — опять улыбнулась она про себя. *Нужно пытаться, пробовать — рано ставить на себе крест.*

ИСКРА

Машина мягко выехала с пустой утренней улицы. Сонный город постепенно растворялся за окном. Редкие прохожие, собаки на поводках, фонари, которые еще не успели погаснуть — всё уже почти осталось позади. Мила сидела, вжимая рюкзак в колени, и пыталась убедить себя, что всё это просто отдых, просто с хорошим знакомым, да еще и ее тренером. *Может, ему тоже одиноко, а может, он и нашел в ней что-то. Посмотрим.* От этих мыслей и давно забытых ощущений внутри становилось тепло: ей было приятно почувствовать всё опять. Трепет от ожидания чего-то уже забытого, прекрасного дня и, возможно, ночи. Как здорово, что дети у бабушки, что так всё совпало и теперь вместо похода и одиночества — такой поворот.

— Хорошее утро, правда? — сказал Алекс, не отрывая взгляда от дороги. Голос его звучал спокойно и уверенно.

— Да, — почему-то сухо ответила она, чему сама удивилась, так как эта сухость не отражала ее настоящих эмоций.

Внутри всё еще боролись два чувства. Одно — тревога: она никому не сказала, что едет с ним. Все думают, что она пошла в горы одна. Никто не узнает, *если... если что?* Другое — странное возбуждение. Будто она снова молода, как до замужества, и ее жизнь опять может быть не только обязанностями, проблемами, бесконечной ответственностью и

борьбой за всё.

Они выехали на трассу. Асфальт уходил в даль, и уже ощущалось, что начинается жара. Алекс включил музыку: негромкий, ровный бит. С первого взгляда все выглядело обыденно. Но было несколько неприятных мелочей.

Во-первых, скорость. Он гнал чуть быстрее, чем нужно, будто опаздывал на встречу. Она спросила с иронией и легкой улыбкой:

— Успеваем?

— Конечно, — улыбнулся он. И с той же иронией, но уже с более широкой улыбкой добавил: — у нас еще целый день впереди.

Во-вторых, его молчание. Обычно в дороге люди болтают про погоду, про планы, просто про случайные вещи. Он же говорил редко, и каждый раз его слова звучали так, словно он репетировал их заранее.

В-третьих, багажник. Она чувствовала его. Не звук, не запах, а просто тяжесть позади. Иногда казалось, что чуть ли не в такт музыке там иногда появлялся глухой стук. Она поймала себя на мысли, что старается не оборачиваться назад. Хотя понимала, что это глупо. Что там может быть? И по факту багажник его джипа действительно был завален снаряжением и другими вещами до самого потолка, что хорошо было заметно с салона.

— Давно хотел тебя пригласить, — неожиданно сказал он.

— Правда? — с ироничной искоркой в голосе ответила

она.

— Да. Просто раньше не было случая.

Она вспомнила, как он появился в зале. Сначала был просто тренером. Никаких особых слов, никаких намеков — пока не узнал о ней чуть больше. И вот теперь они здесь. Мила заставила себя улыбнуться, сказав:

— Ну вот, значит, случай нашелся.

— И правильно, — добавил он. — Ты заслуживаешь отдыха.

Он произнес это слишком серьезно, будто речь шла не о прогулке на природе, а о чем-то большем.

Дорога уходила всё дальше. Город растворился. Пейзаж становился всё более пустынным: редкие деревья, дорожные знаки. Солнце поднялось выше и трасса вытянулась в бесконечность.

Она поймала себя на мысли: *А если все это — ошибка? И не стоило ехать с ним и давать ему надежду и себе тоже.*

Мила посмотрела на его профиль. Идеальное лицо, будто создано, чтобы внушать доверие. Она отвела взгляд к окну. И в этот момент ей показалось, что за деревьями у обочины мелькнула тень. Слишком крупная для собаки, слишком низкая для человека. Она моргнула, мгновение и обочина снова была пустой. На секунду ей стало жутко. Остались легкий страх и дурное предчувствие. Было похоже на странный и непонятный знак.

Машина мчалась дальше. За окном тянулись редкие де-

ревни, покосившиеся заборы, рано закрывшиеся магазины. Казалось, что они вообще никогда не работают. Алекс держал руль обеими руками. Иногда он бросал на Милу короткие взгляды, слишком короткие, чтобы можно было уловить его мысли или настроение. Но этих взглядов хватало, чтобы она почувствовала себя под лупой и казалось, что этого момента он явно ждал давно. Напряжение, да, он был напряжен. Может, это из-за его желаний и предвкушения предстоящего времени наедине? Хотя она никаких поводов и намеков не давала. Сейчас это просто совместное дружеское путешествие, а там — как пойдет. Пока она особо к нему ничего не чувствовала. *Разучилась, наверное*, думала она про себя, при этом ловя кайф от самого процесса, дороги и всей этой романтики. Красивый, спортивный парень, большая машина, дорога и куча времени впереди — дикарями.

— Ты давно здесь бывал? — спросила она, лишь бы нарушить тишину.

— Да, — ответил он сразу. — Но дороги здесь знаю лучше навигатора, — улыбнулся он.

Его голос был ровным и спокойным. Но ей не понравилось, что он не поинтересовался в ответ, бывала ли она там. Будто для него это не имело значения.

Она смотрела на бесконечную трассу и всё время в голове крутилась одна и та же мысль: *Я же могла поехать сама. Просто уйти в горы. Но я выбрала его. Понятно почему. Только правильно ли всё это?*

На горизонте показались холмы. За ними уже должны начинаться каньоны. Солнце резало глаза и дорога расплывалась в жаркой дымке поднимающейся от раскаленного асфальта. Из багажника снова донесся звук — короткий, глухой стук. Она вздрогнула.

— Что там у тебя? — спросила она, не выдержав, стараясь, чтобы голос звучал как можно спокойнее.

— Снаряжение, палатки, спальники — всё для ночевки. Не переживай, тебе приготовил отдельные шикарные апартаменты. — И тут же добавил, словно вспомнив: — А еще мясо, на костре приготовим.

Ее сердце на миг застучало быстрее, но она заставила себя кивнуть. *Ничего особенного, просто снаряжение, продукты.*

Они ненадолго остановились на заправке у придорожного кафе. Алекс вышел, сказав:

— Сиди, я сам возьму кофе.

Она молча смотрела ему вслед. Его походка была спокойной, но при этом в ней чувствовалась чрезмерная уверенность. Будто он шел не просто к двери, а к тому, что давно знает и чего ждал. Она резко выключила музыку и замерла, вслушиваясь в багажник. Но там было тихо, и ей стало немного спокойней.

Он вернулся с двумя стаканами, и его улыбка снова была на месте.

— Кофе с молоком, как ты любишь.

— Откуда ты знаешь? — удивилась она.

— Запоминаю такие детали. Это моя работа.

Он протянул ей стакан, и Мила почувствовала, что ей стало неуютно, хотя должно быть наоборот. Она тут же одернула себя: *да что не так? Кофе тебе принес, даже запомнил какой ты пьешь в спортзале. Успокойся уже и получай удовольствие.*

Недалеко от заправки они свернули с основной трассы, и дорога стала уходить вглубь пустынного плато. Асфальт сменился серой полосой с выбоинами. Лес приближался уже к самой обочине. Казалось, что они проезжают некую невидимую границу, и теперь позади оставался мир, где есть связь, люди и можно попросить о помощи. Воздух постепенно менялся — становился суше, тяжелее. Откуда к ней опять полезли эти тревожные мысли, она не знала. Молча допивая кофе, понимала, что уже устала всю дорогу бороться со своими страхами и тревогами, и попробовала просто расслабиться, но ничего не получалось. Она вцепилась в ремень безопасности. Ей хотелось заговорить о чем-нибудь простом, но слова застревали.

— А дети? — неожиданно спросил он.

— У мамы. На пару дней, — ответила она.

— Удобно. — сказал он, мелькнув короткой улыбкой.

В голове опять прошелестела мысль: *все думают, что я сейчас одна в горах. Никто не знает, что я с ним. Маме тоже ничего не сказала: не поймет. Да и с больным сердцем, будет переживать лишний раз.* Она отвернулась к окну, пы-

таясь спрятаться в пейзаже от этих навязчивых мыслей.

Дорога стала еще хуже — асфальт кончился, пошел гравий, и камни застучали по днищу. Солнце клонилось к закату, и каньон впереди темнел, как глубокая рана на теле земли. Становилось жутко от всего сразу: от наступающих сумерек, дороги, темного каньона и вообще от происходящего. Дома, когда писала ему ответ, в тепле и безопасности всё казалось безобидным, и думалось о другом, но сейчас ...

Алекс уверенно вел машину. Ни разу не сверился с навигатором, ни разу не замедлил скорость. Казалось, он ехал туда, где бывал уже много раз.

— Здесь темнеет рано из-за холмов, — начал он.

— Ты часто выбираешься сюда? — спросила Мила.

— Иногда. Тут тихо. Никто не мешает.

Он произнес это так просто, что у нее внутри всё сжалось. «Никто не мешает» — в этих словах было что-то холодное и одинокое. Словно речь шла не об отдыхе, а о чем-то другом.

Ей показалось, что они едут очень долго. От этого тревога внутри только росла, медленно переходя в панику. Она уже хотела спросить, когда они приедут и зачем так далеко, но тут машина наконец остановилась. Мила вышла. Внизу тянулись тени. Каньон казался живым. Глубже, внутри каньона, бежала река. Ее шум был похож на его дыхание. Алекс тоже вышел и сразу открыл багажник. Мила подошла ближе. Внутри было много вещей: палатки, спальники, пакеты, и еще несколько коробок. Он вытащил одну и поставил на

землю. В коробке звякнули бутылки.

— Ты взял алкоголь? — осторожно спросила она.

— Немного, — улыбнулся он. — Расслабимся, отпразднуем нашу вылазку.

Он достал еще одну коробку. Там было явно больше, чем «немного». Для двоих слишком много. Мила замерла. Она не могла вспомнить, говорил ли он раньше, что не пьет. Или это ей так казалось? В зале он всегда был собранным, спортивным, говорил о правильном питании и сейчас все это не вязалось.

— Ты же... не пьешь?

— Кто сказал? — Он усмехнулся и пожал плечами.

— Я просто не афиширую.

Она почувствовала, как внутри холод пронесся по венам. Какие еще сюрпризы ее ждут?

Пока он разгружал багажник, она снова уловила странный звук. словно по железу прошлись когтями - коротко, неприятно, с тем самым сухим скрежетом, как в прошлый раз. На секунду ей даже показалось, что внутри что-то шевельнулось.

— Давай помогу с палаткой, — громко сказал он.

Немного оцепенев, Мила послушно кивнула. Именно в этот момент она впервые явно ощутила: Алекс полностью всё контролирует. Здесь, в каньоне, вдали от города, для нее не было дороги назад, без него. Она оглянулась: вокруг были только глухой каньон, камни, редкие кусты и темнеющий в

дали лес. Тишина давила. И постоянно казалось, что рядом есть что-то лишнее — невидимое, но осязаемое.

Когда солнце скрылось за скалами, Алекс развел костер. Он достал из пакета мясо и начал бросать куски прямо в пламя на угли. Запах был тяжелым, сырой дым бил в нос.

— Ты реально так готовишь? — попыталась пошутить Мила.

— Собаке нравится, — ответил он рассеянно, но тут же замолчал, словно сказал лишнее.

У Милы по спине пробежали мурашки. Она сделала вид, что не расслышала, — наверное, потому, что побоялась услышать продолжение. Она еще не знала, что именно скрывается, где и зачем. Но ее посетило неприятное чувство, что здесь она не гостя, а пленница.

ПРАВИЛО УГРОЗЫ

Костер трещал, выплевывая искры в темноту. Алекс сидел напротив подбрасывая ветки в огонь, и тени от его рук казались не естественно длинными. На земле лежали пакеты, еда, коробки с бутылками. Мила заметила, что всего было очень много для двоих — не только спиртного, но и еды. Бутылки звенели, когда он доставал их, и этот звук отдавался у нее в груди холодом. Она понимала, что объем алкоголя всегда прямо пропорционален объему проблем от него.

— Ты всегда берешь столько? — спросила она.

— Почему нет? — пожал он плечами.

— Отдыхать так отдыхать.

Он открыл одну бутылку, сделал глоток прямо из горлышка. В фитнес-зале он говорил про дисциплину, режим и строго «никакого алкоголя». Или ей казалось? Мила вдруг поняла, что точно не помнит, и в этот момент осознала, что не знает его совсем. То ложное чувство «своего парня», тренера в зале, оказалось обманчивым здесь, посреди пустынного каньона, вдали от города и от людей.

Она заставила себя улыбнуться.

— Я думала, что ты не пьешь.

— Почему? — он снова пожал плечами.

— Я просто не выставляю это напоказ. Зачем? Каждый

отдыхает по-своему.

Он налил ей вино в пластиковый стакан. Она не хотела его пить, но, устав от своего панического состояния, решила хоть немного расслабиться и выпила почти всё. Вино оказалось крепче, чем она ожидала и обожигало горло. И это ей особо не помогло. Тревога и настороженность никуда не делась.

Тишина каньона была странной, как будто ее лишили тех звуков, которые обычно слышишь на природе. Словно они сидели не под открытым небом, а внутри закрытой комнаты. Только костер и редкий шорох ветра в кустах. Мила сидела, поджав колени, и снова слышала внутри один и тот же вопрос: *Что я здесь делаю? Зачем приехала?* Она вспомнила детей, их вопросительные взгляды утром. В груди всё сжалось. Она чувствовала, что переживает сейчас больше за них, чем за себя. *Если вдруг что-то случится, то что будет с ними?* Но тут же попыталась себя успокоить: *всё нормально, не накручивай. Что может произойти? Переночуем и завтра поедем назад в город.* И вдруг из машины, снова послышался глухой стук — а за ним еще один, другой, странный звук. Она вздрогнула и резко повернулась.

— Ты слышал?

— Что именно? — его голос был спокойным.

— Как будто... звук из багажника.

Алекс сделал паузу и посмотрел прямо на нее. В его гла-

зах на миг мелькнуло что-то тяжелое и темное. Взгляд был холодный и настороженный.

— Там палатка и вещи. Может, что-то упало.

Но она уже знала: это не был звук упавших вещей. Это было что то другое. Или ... кто-то. Он снова налил ей вина.

— Расслабься, — сказал он мягко.

— Мы же здесь для того, чтобы отдохнуть.

Она сделала глоток, но напряжение внутри только росло. *Я должна спросить прямо.* Эта мысль билась в голове, но слова никак не находили выхода. И только когда в машине снова раздалось короткое и глухое «бух», Мила не выдержала.

— Алекс... — ее голос дрогнул.

— Что у тебя там в багажнике?

Он не сразу ответил. Посмотрел на огонь, словно обдумывая, как ему поступить. Потом медленно поднялся, стряхнул с ладони пепел.

— Пойдем, — сказал он спокойно.

— Посмотришь.

Они обошли машину. Тьма еще плотнее легла на каньон, и тени от костра начали двигаться вокруг, как живые. Он щелкнул фонариком, узкий луч прорезал темноту и уперся в замок. Ключ повернулся с сухим хрустом. Дверь открылась, и Миле в лицо ударил тяжелый теплый воздух со сладковатым запахом сырого мяса и железа. Алекс раздвинул вещи, коробки. Внутри стояли две железные клетки, привязанные

ремнями к петлям кузова. В каждой клетке сидела собака. Она плохо разбиралась в породах, но видела, что это бойцовские собаки — крупные, тяжелые, грудь как литая. Они сидели абсолютно тихо. Ни рыка, ни визга, даже дыхание казалось неслышным, только свет от фонаря выдавал их присутствие. Мила машинально отступила на шаг назад. Ее тело само выбрало дистанцию, словно кто-то другой управлял им.

— Они... давно здесь? — прошептала она.

— С самого утра, — ответил он.

— Они не помешают. Они знают свое место.

Он наклонился и прошептал им:

— Сидеть, — и добавил, — тихо.

Собаки даже не шевельнулись. Лишь глаза одновременно повернулись на Милу, будто разом повернули два зеркала.

— Алекс... зачем? — слова путались, язык стал ватным.

— Зачем ты привез их?

Он подумал долю секунды и улыбнулся, не размыкая губ.

— Тут каньоны и очень пустынно. Нужна охрана.

Охрана? От кого? От чего? От нее, что ли?

— Ты говорил... — Она запнулась.

— Ты говорил ... мы вдвоем.

— Мы вдвоем, — спокойно ответил он, коснувшись решетки.

— Они очень тихие и послушные. Они нам не мешают.

Собаки не отрывали от нее взгляд. В этом взгляде не было ничего, только ожидание и внимание. Будто команда уже ви-

села в воздухе, но еще не прозвучала. Он потянулся в багажник, достал большую сумку и распахнул ее — внутри были пакеты с мясом. Не стейки и не аккуратные порции, а грубо рубленые куски с прожилками и кровью. Он разорвал пленку, запах ударил в нос. Собаки не шелохнулись.

— Рано, — тихо сказал он им, совсем не тем голосом, который Мила знала по залу.

— Сидеть.

Она почувствовала, что ей захотелось бежать. Но куда? Тьма каньона была как бетон. Ноги стали ватные от страха. Все ее тревоги оказались мелочью по сравнению с тем, что она видела сейчас перед собой. Алекс с горой алкоголя, две огромные собаки и полное отсутствие путей для спасения.

— Ты... ты мог сказать заранее? Я очень боюсь таких собак.

— Ты привыкнешь, — мягко ответил он.

— Они добрые, когда надо, — пытаюсь в шутку напугать ее, сказал Алекс.

— Не бойся, они не больно кусаются, — рассмеявшись, продолжал он в попытке разрядить обстановку.

Захлопнув дверцу и закрыв замок, он шире открыл боковые окна и включил сигнализацию. *Зачем он закрывает машину, когда здесь кроме них никого нет?* Наверное, от нее — чтобы она вдруг не смогла уехать. Ей снова стало нехорошо от этой логики, но, кажется, она была правильной. Они вернулись к костру.

Вино грело горло, но не грело руки. Она держала стакан и думала только об одном: *почему я никому не сказала?* Мама уверена, что она ушла в горы. Дети, что мама вернется вечером воскресенья. Никто не знал, что она сидит совершенно в другом месте, напротив человека с двумя огромными псами в машине.

Алекс разливал еще. Он говорил про какую-то тропу, о рассвете, о том, как красиво будет утром. Его слова звучали как заученные фразы из рекламного буклета. Но в промежутках между этими фразами он смотрел на нее таким взглядом, словно пытался понять, где слабее, где тоньше и когда порвется.

— Ты часто путешествуешь одна? — спросил он вдруг.

— Редко, — сказала она.

— И это впервые. В смысле... первый раз так.

— Так — это правильно, — кивнул он.

— Иногда, чтобы реально отдохнуть, нужно выйти из привычного образа жизни.

В машине опять послышался скрежет когтей о метал. Так тихо, будто кто-то намерено сдерживал этот звук. Мила вздрогнула. Алекс даже не повернул головы.

— Они терпеливые, — сказал он так же спокойно.

— И умные. Главное, не провоцировать их.

Она кивнула, словно поняла, о чем речь. На самом деле она не поняла ничего. Кроме одного: этого вечера не было бы, если бы она не согласилась на него так опрометчиво, в

попытке удовлетворить свое женское эго. Если бы осталась верна себе утренней, той, которая собиралась в горы одна.

Ветер сместился. Огонь накренился и опять выстрелил искрами в ночной воздух. Алекс встал, снял куртку и перекинул ее через спинку складного стула. В футболке его силуэт стал резче, мышцы под тканью двигались заметнее, точнее. Мила поймала себя на том, что затаила дыхание не от восхищения, а от настороженности.

— Хочешь пройтись до края каньона? Там вид, как из другого мира, — предложил он.

— Потом, лучше завтра, — ответила она быстро.

Отметив про себя, что там сейчас ничего не может быть видно в такой темноте. Тогда зачем он ее туда зовет. И холодок пробежал по спине. *Или просто пьян уже, хочет поприставать на романтической ноте,* — успокаивала она себя.

— Скоро выйдет луна и станет светлее, — будто прочитав ее мысли добавил он.

— Ну как хочешь.

Он сел обратно, достал еще одну бутылку, открыл ее, даже не повернувшись к ней. Всё выглядело как давно отрепетированная сцена. Мила вдруг поняла, что всё это — багажник, клетки, мясо, костер — не случайность и не спонтанный набор событий. Он знал, что делает. Он знал, как всё будет. И ее не покидало ощущение, что это уже повторяется не первый раз.

— Алекс... а если ночью кто-нибудь придет? Люди? Ту-

ристы?

Он улыбнулся.

— Здесь редко кто ходит ночью. Утром и днем появляются случайные люди, да и то не всегда. Ночью никто не помещает, — ответил он с легкой иронией.

Она посмотрела на темноту за кругом света от костра, туда, где тени на секунду сходились и снова расползались. Ей показалось, что за этим кругом присутствует что-то чужое. Не двигается, не шевелится, а просто есть. Она прикусила губу и отвела взгляд. Когда снова посмотрела, там опять была просто тьма.

— Спать будем здесь, — сказал он, когда огонь стал угасать.

Палатки он поставил быстро и точно, будто делал это уже много раз. Он бросил внутрь спальники, расстелил коврики.

— Ты будешь спать здесь, ближе к костру, а я дальше.

— Может, наоборот? — осторожно возразила она.

Мила пыталась, чтобы это прозвучало естественно. Подсознательно она уже рисовала в голове план побега. Хотя понимала, что любой план в этих условиях почти обречен, если вдруг... Но мысли прервал Алекс.

— У огня теплее, — ответил он, — и безопаснее.

Она не стала спорить. Слово «безопаснее» прозвучало не как забота, а как команда. Будто он расставлял фигуры на доске.

Алекс заглянул в багажник еще раз и вернулся с двумя

железными мисками. Наполнил их мясом и положил рядом с задней дверцей, не открывая клеток. Собаки не двинулись. Он присел, постучал по металлу кулаком.

— Ждать, — сказал тихо.

Мила вдруг почувствовала, что ей хочется кричать — от страха, от бессилия, от всего сразу. От того, как сильно отличались ее ожидания от реальности, и чего ждать дальше, она не могла даже представить.

— Я... — она сглотнула, — я, наверное, пойду умоюсь у воды.

— В темноте? — он посмотрел удивленно.

— Там скользко. Подожди до утра.

С реки потянуло сыростью холодом. Захотелось спрятаться, укутаться в плед, уснуть и забыться хоть на мгновение, и дожидаться поскорее утра.

Ночь окончательно вступила в свои права. В костре медленно тлели последние угли. Тени вокруг стали плотнее, воздух холоднее. Алекс резко поднялся, словно внезапно вспомнил о чем-то, и пошел к машине. Щелкнул брелком, открыл заднюю дверь. Собаки одновременно подняли головы. Он дважды ритмично постучал по решетке и приказал:

— Рядом.

Открыл клетку, одну, вторую. Собаки вышли молча, без единого лишнего движения. Стали рядом, повернувшись к нему, но глядя на нее.

— Знакомься, — спокойно сказал он, будто представлял

своих старых друзей.

Мила отступила на шаг. Собаки стояли, как фигуры из гипса, как два памятника. В их неподвижности и покладистости было что-то страшнее рычания, собачьей злости и звериной ярости.

— Они будут следить за периметром, — сказал Алекс. — Чтобы сюда никто не пришел.

Он посмотрел на нее и тихо добавил — без улыбки, но с той же легкой иронией:

— И чтобы ты не упала в темноте.

Собаки одновременно повернули головы и посмотрели на него. Он щелкнул пальцами, одна осталась у палатки, вторая бесшумно ушла в темноту. После этого легла уже другая тишина — тишина сквозь тяжелое дыхание собак и приглушенный топот их лап по камням.

— Спокойной ночи, — сказал он, глядя в огонь, — завтра будет красивый рассвет.

Она стояла не двигаясь и понимала, что до рассвета еще далеко. Ей нужно дожить до него и не умереть от страха. Но тут же пыталась убедить себя, в том, что, может быть, просто накрутила себе лишнего. Разумом она понимала, что всё нормально: нужно расслабиться и просто принять эти новые ощущения, этот чужой для нее экстрим и попытаться получить удовольствие от новых ощущений. Да, происходящее для нее было настоящим экстримом и никак не укладывалось в ее размеренный образ жизни. Но подсознательно она

уже знала: так просто всё не закончится. Ни для того они здесь. Оставалось ждать и молиться.

Она вошла в палатку и села у входа. Ткань шуршала, как шепот ветра. Ей казалось, что внутри будет хоть немного безопаснее. Дрожащими руками она стянула кроссовки. Снаружи тяжело выдохнула собака. Где-то в стороне прошелестела трава. И в этом шелесте ей послышались шаги — медленные, ровные, как у робота. Мила закрыла глаза и прикусила губу почти до крови, чтобы не окликнуть кого-нибудь в темноте. Вдруг здесь все-таки есть люди. Хотя понимала: здесь никого нет и быть не может. И все же оставалась надежда, что кто-то появится, даже здесь, в такой глуши.

— Алекс? — едва слышно позвала она.

Ответа не было, только тишина, которая опять стала пугающе тихой.

УЖАС МОМЕНТА

Костер почти догорел и медленно тлел в темноте. Ночь обняла каньон еще плотнее. Тени прыгали по палаткам, и ткань казалась живой. Алекс сидел напротив и продолжал пить. Сначала спокойно, потом всё жаднее. Его лицо оставалось почти прежним, уверенное, собранное, но в движениях начала проступать какая-то небрежность.

Он налил себе еще, и в этот момент Мила впервые почувствовала эту разницу, увидев его другим. Алекс в зале и Алекс здесь — это два разных человека. Там он говорил о дисциплине, режиме, правильном питании. Здесь он пил, не зная меры, и чем это закончится, Мила даже боялась представить. Ведь до утра было очень далеко. Да и как он завтра сможет поехать назад в город после такой пьяной ночи, оставалось вопросом.

Она пыталась отвлечься. Вспоминала опять, как утром сказала матери: «Уеду в горы». Все знают, что она там и никто не знает, что она совсем в другом месте. Эта мысль становилась тяжелее с каждой минутой.

Связи не было — сеть здесь не ловила совсем. Может быть, нужно подняться выше, на скалы, но куда можно пойти в такой крошечной тьме.

Сзади послышалось тихое царапанье. Собака. Мила почувствовала, как сердце рвануло к горлу. Она обернулась и

застыла. Одна из собак стояла прямо у входа в ее палатку. *Как она подошла так близко?* Мила не заметила. Животное было огромным, выше ее пояса, голова массивная. Пес медленно подошел, ткнулся носом в палатку, где она сидела, и втянул воздух. Горячее дыхание коснулось ее кожи. Мила закусила губу, чтобы не закричать. Она смотрела ей прямо в глаза через тонкую ткань. Взгляд был оценивающий, как будто она решала, добыча она уже или еще нет.

— Назад! — резко сказал Алекс.

Собака замерла, и лишь потом, медленно и нехотя отступила. Мила нервно сглотнула. Это напугало сильнее всего: собака подчинилась, но не сразу, будто сначала решила проверить, нужно ли вообще его слушаться. Она перевела взгляд на Алекса. Он продолжал пить дальше.

— Ты... всегда их так держишь? — спросила она, стараясь, чтобы ее голос не дрожал.

— Они идеальные, — сказал он, — слушаются с полуслова. Главное, чтобы команды звучали ясно, они всё понимают.

Главное — чтоб он говорил ясно. Эта мысль вонзилась ей в голову. А если он не скажет ясно? А если не скажет вообще, после такого количества выпитого?

Она снова легла в палатку. Ткань шуршала от легкого ветра. Собака подошла снова. Она не видела ее, только слышала дыхание, ровное, горячее. Мила закрыла глаза и ясно поняла: палатка теперь не просто ее укрытие, а клетка без решеток.

Казалось, собаки разыгрывают давно знакомую им сцену. Сначала идеальные, неподвижные, как каменные. Потом, шаг вперед, пауза, взгляд на хозяина. И только после его команды, откат назад. Всё выглядело так, будто они репетировали это сотни раз. Мила сидела в палатке, и кровь стучала в виски: *это спектакль. Они просто делают вид, что всё под его контролем. А если в какой-то момент... не сделают этого?*

Снаружи раздалось дыхание. Ткань палатки дрогнула, словно ее тронули ладонью. Но это был нос. Теплый, влажный, настойчивый. Собака снова приблизилась, ткнулась прямо туда, где находилась ее голова, почти в висок. Мила закусила губу, чтобы не издать случайно лишний звук. *Господи, какая же она огромная...* Слезы сами выступили на глазах, но она продолжала лежать не шевелясь, боялась, что любой шум может их спровоцировать.

— Назад! — снова приказал Алекс.

Собака не шелохнулась и продолжала нюхать ткань. Потом повернула к нему голову, будто проверяла, можно ли послушаться. Только после второй, более резкой команды, отступила. Мила сжалась в комок. Было ощущение, что они понимают: он пьян. Проверяют его голос и ждут, что скоро он им ничего не скажет и не остановит, потому что всё это уже повторялось раньше — и не раз. Мила надеялась, что она ошибается и что все эти мысли просто производная ее страха.

Алекс сел ближе к костру. Его движения были уже не такие четкие. Он наливал вино так, что иногда половина проливалась на землю. Собаки смотрели на него в упор, не мигая, и в этой их покорности было больше угрозы, чем в ярости.

— Всё нормально. Они играют, — сказал он, заметив ее взгляд.

— Иногда, игры заканчиваются слишком поздно, — продолжил он.

— Но не все и не всегда понимают это.

Он повернулся к ее палатке и добавил абсолютно трезвым голосом — или ей так показалось сквозь треск костра:

— А иногда понимают слишком поздно.

Она не поняла смысла его слов, но почувствовала, что за этой фразой стоит угроза и он начал проговариваться. *А может это уже просто пьяный бред?* Она не знала, что думать и как анализировать происходящее. Всё было как во сне и на мгновение ей казалось, что это плохой сон, который вот-вот закончится.

Она снова вспомнила утро. Как собиралась туда, где всегда была в безопасности, в свой домик, где ночевала прошлым летом. Вот и сегодня, для всех она там. *А по факту здесь. С ним. С ними.*

Ткань палатки снова дрогнула. На этот раз тихо, но настойчиво, будто коготь прочертил по ее коже через слой ткани. Мила закрыла глаза. Ей казалось, что сердце бьется так

громко, что собаки слышат это.

Алекс допил очередную бутылку и поднялся. Шатнулся чуть в сторону, но быстро выровнялся.

— Спокойной ночи, — сказал он.

— Они будут рядом. Ты можешь спать спокойно.

Он щелкнул пальцами. Одна собака легла у входа в ее палатку. Другая, в очередной раз ушла в темноту и бесшумно растворилась там.

Мила легла, натянула одеяло до подбородка. Но сна не было. У входа тихо дышало чудовище. Она понимала: если он станет еще пьянее, в нужный момент команда может просто не прозвучать. И что тогда? Она не знала, но ничего хорошего точно не будет.

Тьма за пределами круга света была черной, как смола. Мила лежала, затаив дыхание, и ловила каждый звук. Шорох травы, хруст камешков под их лапами, дыхание у самой палатки. Она понимала, собака лежит прямо у входа. Ткань едва заметно втягивалась и раздувалась от ветра, но ей казалось, что от дыхания собаки. На миг показалось, что сквозь тонкий слой палатки к ней тянется ее голова и пасть. Мила медленно повернула голову. Силуэт был отчетливым, огромная голова, темная тень. Глаза светились от блика костра. Они смотрели не просто на палатку — они смотрели на нее.

Собака ткнулась носом в ткань и зарычала тихо, почти беззвучно. И в этом рыке слышалось только одно: *я здесь*.

— Назад, — в очередной раз раздался голос Алекса.

Он не спал или проснулся, непонятно. Собака еще несколько секунд не двигалась, словно опять проверяла его силу. Потом медленно, нехотя отступила. Мила прижала ладони к лицу. *Они чувствуют, что он слабеет. Чем он пьянее, тем они свободнее.*

Она вспомнила тренировки в зале. Как он поправлял ее руку и говорил: «Ты сильнее, чем думаешь», «Соберись», «Давай еще разок» — это так мотивировало ее тогда. *Но где теперь тот, прежний Алекс?* Перед ней был совсем другой человек.

Алекс снова потянулся к бутылке. Руки его дрожали и бутылка стукнулась о стакан. Он посмотрел на нее и на миг в этом взгляде мелькнуло нечто чужое. Словно сейчас он смотрел не на Милу, а на кого-то другого.

— Они тебя не тронут, пока я здесь, — сказал он. — Спи спокойно.

Пока я здесь. Эти слова напрягли ее до предела.

Костер почти догорел, и круг света сузился еще больше. Собаки не спали, а двигались по периметру. Их шаги были медленными, тяжелыми. Вели они себя как хищники, которые не просто охраняли, а исполняли свою давно отретпетированную хореографию.

Одна из собак вдруг остановилась, подняла голову и зашелкала зубами в пустоту, словно звала кого-то. Звук разрезал тишину, и у Милы внутри всё похолодело. *Зачем она так делает?* Это напугало ее еще сильнее. Но это был уже другой

страх. *Разминала челюсти перед тем, что могло быть дальше?* — продолжала она накручивать себя с мрачной иронией.

Алекс не обратил внимания. Он сидел у огня и пил прямо из горлышка. Он улыбался сам себе, и в этой улыбке было что-то жуткое, чужое. *О чем он сейчас думает?*

Вдруг одна из собак вернулась к костру, держа что-то в зубах. Она положила добычу к его ногам — обглоданную ногу, то ли козы, то ли другого крупного животного. Кость торчала белым обрубком, еще влажным.

Мила отвернулась, зажав рот ладонью. Ее вывернуло бы, если бы она позволила себе вдохнуть запах или представить его.

Алекс спокойно наклонился, поднял трофей и бросил обратно в темноту.

— Молодец, — сказал он, потрепав пса за ухом и снова сделал глоток.

Собаки смотрели на него, и в их взгляде было ожидание. *Я не должна была сюда ехать.* Она снова и снова возвращалась к этой мысли и не понимала, как она могла так глупо и опрометчиво поступить. Она рисковала даже не собой, а детьми — потому что у них, кроме нее, никого по-настоящему нет. Бабушка не в счет, это не то.

Мысли металась не находя выхода. Она пыталась ухватиться за что-то рациональное, но всё рушилось. Алекс сидел и напивался. Чего ждать от него в таком состоянии, было

уже невозможно предсказать. Даже собаки, даже их послушание, казалось фальшивым. Она видела: звери чувствуют, что он пьян. И ждут. Но чего именно?

Он поставил бутылку рядом с собой и встал. На лице у него блуждала странная улыбка, а походка уже заметно поплыла. Он сдернул футболку через голову и бросил на землю. От увиденного, у Милы остановилось дыхание. Она невольно приоткрыла рот — то ли от ужаса, то ли просто от потрясения. Из-под футболки открылось тело, покрытое страшными шрамами. Они тянулись от шеи до поясицы, а может, и ниже. Сеть старых рубцов, рваных и вытянутых. Кожа напоминала карту, разорванную ножами и когтями.

Мила не могла отвести взгляд. Так не выглядит тело обычного человека. Это было тело, которое пережило что-то страшное, невозможное, словно оно побывало в мясорубке.

Она посмотрела на его ровное и красивое лицо. Казалось, это лицо и тело не могли принадлежать одному человеку. Лицо будто собрали заново. Слишком идеальное для такого тела.

— Что? — заметив ее взгляд, спросил он.

— Боишься?

Волнение подступило к горлу так, что она невольно сглотнула и тут же закашлялась.

— Просто... не ожидала.

Он усмехнулся, провел ладонью по груди, по рельефу шрамов.

— Это моя история, — сказал он.

— Но рассказывать ее лучше не стоит.

Он снова сел у костра, подкинул веток и налил еще вина. Шрамы блестели и переливались в пляшущем свете костра, и ей казалось, будто они шевелятся — как затаившиеся змеи на его теле.

Мила легла, но сна не было. Собака снова устроилась у входа. Она старалась дышать ровно, но каждый вдох звучал для нее как обратный отсчет.

Мила закрыла глаза и впервые подумала: *Он не Алекс. Это не его имя. Но тогда кто он? Боже, что происходит?* Ответа не было. Только шаги его собак по кругу и шелканье зубов в темноте.

ТЕНИ СНА

Ночь была такой темной, словно на глаза натянули мешок. Костер снова почти погас, и только угли еще тлели в темноте. Алекс подбросил еще сухих веток. Ветер шуршал в траве, и каждый звук в темноте казался чьей-то крадущейся поступью.

Алекс пил до тех пор, пока его движения не стали почти неконтролируемыми. Он вдруг обмяк, опустился на складной стул и отключился.

Мила замерла, вслушиваясь в происходящее. Несколько минут он сидел неподвижно, будто уснул. Она уже почти поверила в это. И вдруг он поднялся. Движения были резкими и в то же время покорными, как у марионетки. Казалось, что им управляют невидимыми нитями.

Он пошел. Прошел вдоль костра, палатки. Шаги ровные. Создавалось ощущение, что он и не пил вовсе. Глаза были открыты, но взгляд — стеклянный, устремленный куда-то сквозь ночь. И, *Боже*, руки у него были вытянуты вперед. Мила поняла, что это, но не могла поверить: этого она совсем не ожидала...

Что с ним происходит? Лунатизм. Он лунатик. Это слово будто ударило ее в голову. Она сразу вспомнила его слова в дороге, что он не любит спать в таких походах, теперь

понятно почему. Но сейчас, здесь он просто отключился от количества выпитого.

Собаки начали вести себя иначе. Не рычали, не суетились. Они поднялись и просто тихо пошли за ним. Шаг в шаг, тише обычного, без агрессии. Мила тоже почувствовала, что их поведение изменилось. Словно они знали его в этом состоянии лучше, чем наяву.

Но одна собака вернулась, остановилась у ее палатки и легла, уткнув морду в лапы. В ее позе не было угрозы, только ожидание. Хотя одного ее присутствия уже было достаточно, чтобы почувствовать угрозу.

Она вернулась, чтобы я не смогла уйти. Как она без команды Алекса ведет себя так? Значит всё идет по какому-то старому сценарию, — отметила Мила про себя. *Почему они ведут себя именно так? Или боятся его еще больше в этом состоянии?*

Алекс ушел в темноту. Его силуэт растворился среди теней, но шаги еще слышались. Они были ровными, нечеловеческими. Это была походка не пьяного, а походка спящего человека, который не знает, куда идет, но идет всё равно. *А может знает?*

Мила легла, прикрыла глаза и попыталась собрать происходящее хоть в какую-то логическую цепочку. Послышался легкий шорох. Она на миг приоткрыла глаза — и обомлела: прямо у входа в палатку стоял он. Костер был у него за спиной, и его свет выделял силуэт на палатке, играя вокруг него

каким-то дьявольским ореолом. Мила закрыла рот ладонью, чтобы не выдать свой испуг криком или дыханием. *Как он подошел так незаметно?*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.